

Линь Жань прижал его к стене, сократив дистанцию до минимума. В воздухе тут же разлился густой, приторный аромат, окутавший кожу и плечи.

Линь Жань, чья рука упиралась в стену рядом с головой парня, на мгновение замер, а затем, нахмурившись, с отвращением процедил:

— Какая гадость.

Шэнь Юй, бледный, попытался уклониться от его дыхания, обжигающего кожу, и сжал ладони в кулаки.

Сквозь стиснутые зубы он выдавил:

— Гадость? Гадость... так отойди же. Линь Жань, у тебя и правда извращенные наклонности.

Линь Жань, тяжело дыша, усмехнулся:

— Ты угадал.

Шэнь Юй приоткрыл глаза за стеклами очков, его грудь часто вздымалась. Он еще не до конца отошел от только что пережитого кошмара и в смятении выпалил:

— Линь Жань, тогда ты и правда уникален.

— В чем же? — с любопытством склонил голову Линь Жань, прислушиваясь.

— Уникален в своей низости.

Едва эти слова слетели с губ Шэнь Юя, улыбка на лице Линь Жана застыла. В мгновение ока выражение его лица стало мрачным и пугающим. Он с силой схватил Шэнь Юя за волосы и с размаху ударил его головой о стену.

Прежде чем оглушенный парень успел прийти в себя, его снова грубо дернули за воротник.

Равнодушный, низкий голос Линь Жана прозвучал над самым ухом:

— Смотрю, твой язык слишком остр. Может, стоит его отрезать? Как тебе идея?

— Грязная, отвратительная тварь, зачем тебе вообще нужен язык?

— Угх... — от этого удара у Шэнь Юя потемнело в глазах. Боль в затылке, где еще не зажила старая рана, пронзила нервы, подобно иглам. Глаза невольно наполнились слезами. Он инстинктивно втянул голову в плечи, закрывая затылок руками, и всем телом задрожал.

Линь Жань сжал пальцы на его талии, особенно сильно надавив на дрожащие впадины над бедрами:

— Ты дрожишь, Шэнь Юй. Чего ты боишься?

Шэнь Юй промолчал. Его глаза покраснели. Несмотря на то, что стекла очков отделяли его от холодного взгляда Линь Жана, он все равно отвел лицо в сторону.

Он чувствовал лишь бесконечную усталость и не хотел продолжать этот спор. Тысяча дней и ночей не проходят бесследно, и ничего уже не исправить. В отчаянии он зажмурился, втянув голову в плечи, ожидая, что Линь Жань, как обычно, начнет душить его или примется за что-то еще более жестокое.

Не дождавшись ответа, Линь Жань пристально посмотрел на него. Уголки его губ медленно поползли вверх. Вопреки обыкновению, он протянул палец и принялся поглаживать маленькую красную родинку в уголке глаза Шэнь Юя, скрытую за оправой.

Родинка была плоской, без выпуклости, словно капля красных чернил, случайно оставленная художником на лице своей музы.

Ярко-алая, она делала его бледную, гладкую, словно шелк, кожу еще холоднее и белее.

Сейчас, когда парень отвернулся, а грудь его все еще вздымалась от гнева, его попытки выглядеть грозным напоминали оскал зверька, который не способен никого напугать. Это лишь сильнее разжигало в Линь Жане желание подчинить и растоптать его.

Линь Жань прижал тлеющую сигарету к его коже и небрежно поинтересовался:

— Как думаешь, что будет, если прижечь здесь?

Он с издевкой переместил сигарету к веку:

— Или, может, здесь?

— Линь Жань! — Шэнь Юй резко открыл глаза. Звука зажигалки не было, но само ощущение близости огня заставило его кожу буквально кричать от ужаса. Голос его охрип и сорвался.

— М? — Линь Жань приподнял веки и лениво протянул: — Ты не немой? Значит, можешь говорить. А я уж подумал, что ты онемел после того, как я ударил тебя головой.

Оправа очков под их взаимным напором съехала на самый кончик носа.

Лица разделяло лишь полпальца, горячее дыхание обжигало ресницы, а очки вот-вот готовы были упасть.

Его прекрасные персиковые глаза, теперь ничем не прикрытые, казались пронзительно ясными. В светло-карих зрачках, прозрачных, как родниковая вода, отражался глубокий, всепоглощающий страх.

— Пожалуйста... — глаза Шэнь Юя налились кровью. Давящее ощущение, когда на тебя смотрят свысока, было невыносимым, а пальцы, замершие у самого носа, казались раскаленным углем, обжигающим даже на расстоянии.

От страха его длинные темные ресницы мелко дрожали, задевая костяшки пальцев Линь Жаня — мягко, как касание птичьего крыла, вызывая странную, мучительную дрожь в самой глубине сердца.

Стоило им соприкоснуться, как Линь Жань замер. Его взгляд внезапно потемнел, словно он коснулся чего-то нечистого. Он с силой оттолкнул парня, нахмурившись еще сильнее.

— Отойди от меня.

— Как же противно.

Этот резкий, яростный толчок стал полной неожиданностью для Шэнь Юя. Его худощавые, хрупкие плечи в тонкой школьной форме с силой ударились о кафедру.

Шэнь Юй тихо вскрикнул, зубы его застучали.

Не обращая внимания на боль, он синими от напряжения пальцами поспешно поправил съехавшие очки.

Услышав последние слова, он на мгновение оцепенел, и этот голос еще долго звенел в его ушах, смешиваясь с шумом в голове.

Оттолкнув его, Линь Жань не мог скрыть брезгливости на лице, будто к его руке прилипла какая-то липкая, грязная жидкость, испускающая зловоние.

Он вытащил салфетку и принялся яростно тереть ладонь, пока кожа под его мозолистыми пальцами не побелела и не покраснела от крови. Ему было плевать.

Это молчание ранило куда больнее, чем любое физическое воздействие.

Наконец, дотерев кожу до ссадин, он развернулся и вышел из комнаты.

Бам!

Звук захлопнувшейся двери эхом разнесся по комнате. Вместе с ним и Шэнь Юй, словно лишившись всех жизненных сил, сполз по кафельной стене на пол.

Его охватил озноб от пережитого ужаса. Боль в переносице заставила его снять очки, но как только он дотронулся до лица, нервы пронзила острая вспышка, заставившая всё вокруг онеметь.

Шэнь Юй вытянул затекшие ноги и безжизненно сидел на полу.

Прямо перед ним медленно садилось солнце. Последние золотистые лучи, словно полотно художника, падали на его лодыжки, а длинная тень укрывала его с головой.

Даже спустя годы подобного обращения он не мог понять, почему Линь Жань так сильно изменился.

Линь Жань появился в их доме, когда ему было восемь — его привела Чжан Ваньжань. Внешность полукровки, золотистые кудри — с первого взгляда Шэнь Юй проникся к нему жалостью.

Даже ради этой мачехи, которую он совсем не хотел видеть, он принял мальчика.

Вначале Линь Жань сладко называл его братом, говорил, что скучает, когда они расставались всего на пару дней, и прибегал к нему, когда боялся грома или заболел.

Но три года назад все изменилось.

Изменилось бесповоротно, превратившись в руины. Обрушившиеся балки и камни погребли под собой Шэнь Юя, оставив его в крови и смятении, не дав даже шанса осознать происходящее.

Линь Жань словно стал другим человеком — с другими костями и другой кровью, насквозь пропитанный злобой.

Он перестал звать его братом, перестал смотреть на него с улыбкой, а если Шэнь Юй называл себя братом, его лицо искажалось от ярости, и он с угрозами заставлял его замолчать.

Он начал постоянно насмехаться над ним, всячески показывая свое презрение. Сначала Шэнь Юй пытался сопротивляться, но со временем онемел и смирился.

Шэнь Юй потянулся к спине, нащупал опухшее место и, слабо опустив руку, снял очки, свернувшись в калачик.

Ему было просто невыносимо грустно, глаза затуманились, и он понял, что в этом доме не осталось ни капли тепла — оно исчезло вместе с тем, прежним Линь Жанем.

<http://bllate.org/book/21862/2268901>